

Available at: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/4108>
(Accessed: 30.04.2020).

2. *Sazonov, O.V. Zhizneopisanie i khristianskii podvig vysokopreosvyashchennogo Vladimira (Bogoyavlenskogo), mitropolita Kievskogo [The life and Christian feat of the most Reverend Vladimir (Bogoyavlensky), Metropolitan of Kiev]. / O.V. Sazonov ; Commission for the Glorification and Canonization of Locally venerated Saints of Michurinsk and Morshansk diocese. – Tambov: IP Kaverin I. S., 2016. – 505, [1] p. (in Russian)*

УДК 27-75

ТРАДИЦИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПЕДАГОГИКИ В БОГОСЛОВСКОМ НАСЛЕДИИ ПРОТОИЕРЕЯ ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО

Колесников Сергей Александрович
проректор по научной работе Белгородской
православной духовной семинарии
(с миссионерской направленностью),
доктор филологических наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института
МВД России
E-mail: skolesnikov2015@yandex/ru

Для цитирования: Колесников, С.А. Традиции православной педагогики в богословском наследии протоиерея Василия Зеньковского // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 119–128.

Аннотация

Статья посвящена вопросу становления православной системы педагогических взглядов в богословском наследии протоиерея Василия Зеньковского. Базисом педагогических воззрений протоиерея Василия Зеньковского становится понимание важности целостности личности ребенка, которую можно сформировать только в рамках системы христианских ценностей.

Интуитивное вживание в атмосферу религиозного мировосприятия, создание педагогических условий для его оптимизации есть одна из важнейших задач православного воспитания. В свете эсхатологических подходов христианская педагогика предстает в совершенно ином свете, в контексте абсолютного звучания таких понятий, как покаяние, смирение, преображение.

Ключевые слова: православная педагогика; педагогические труды протоиерея Василия Зеньковского; христианская система ценностей.

Современная педагогика настаивает на том, что человек представляет собой «единое уникальное существо, а не набор дифференцированных частей» (А. Маслоу) [6, с. 33]. Но подобное целостное восприятие личности человека уже концептуально присутствовало в христианской педагогике и, в частности, в педагогике протоиерея Василия Зеньковского. «Реальность мучительного раздвоения, – писал он, – создает особую потребность внутренней целостности» [3, с. 204]. При этом направленность воспитательно-образовательного процесса на формирование целостной личности ориентирована и на иные сферы учебного процесса, например, в ходе преподавания религиозных дисциплин. «Преподавая Закон Божий, – настаивал о. В. Зеньковский, – необходимо давать целостное раскрытие религиозного материала. Нужно, чтобы предмет не дробился на отдельные части, как это бывало до сих пор: нравоучение преподавалось отдельно от вероучения, догматика отдельно от истории. Это нетерпимо и дидактически, и педагогически. Идея целостного преподавания Закона Божия, даже если она сопряжена с недостаточным усвоением всего материала, более правильна, чем разделение курса Закона Божия на отдельные дисциплины» [2, с. 155]. Поэтому целостность может рассматриваться как многоаспектный основополагающий принцип, в соответствии с которым выстраивается тео-педагогика. Конечно, как говорил С.С. Аверинцев, «в силу несовершенства, неполноты человеческого знания, даже духовного, даже праведно-духовного, всякое мировоззрение реализует лишь воспоминание об императиве целостности» [1, с. 49]. Но христианская педагогика позволяет максимально приблизиться к идеалу целостной личности в императиве «подражания Хри-

сту», предложить максимально эффективные пути к преодолению состояния разорванного сознания.

Однако необходимо отметить важный момент: христианская целостность основана на построении иерархической системы ценностей. Воспитание иерархического мировосприятия концептуально для православной педагогики, «в путях воспитания мы не имеем «линейного» ряда ценностей, но должны и здесь установить иерархический принцип» [3, с. 209]. И здесь на первый план выходит проблема дисциплины и самодисциплины в процессе воспитания. Способность выстроить и принять иерархическую систему ценностей возникает только при максимальном напряжении духа, при культивировании в личности устойчивой дисциплинированности. В рассуждениях о. В. Зеньковского встречается такое утверждение: «Дисциплина ... устанавливает правильное отношение между духовным центром личности и ее активностью, ее «поведением» [3, с. 214]. Именно дисциплина, прививаемая извне, и самодисциплинированность позволяют правильно сориентировать развитие личности. При этом, как отмечал о. В. Зеньковский, «смысл дисциплины не в верности отвлеченным моральным началам, а в регуляции духовной жизни. Дисциплина не имеет ни самодовлеющей ценности, ни значения охранения отвлеченных принципов: она не должна подавлять духовную жизнь, если последняя принимает аритмический характер, ибо нет никакой ценности в том, чтобы торжествовала отвлеченная мораль как таковая» [3, с. 215]. Духовность дисциплины приоритетна для православной педагогики, дисциплина выступает как духовное средство, направленное в свою очередь на развитие духовности.

Конечно, дисциплинированность занимает важное место практически в каждой педагогической теории, однако в христианской педагогике она имеет весьма важную особенность – истоки дисциплины восходят к христианской аскетике. Аскетика как вершинное проявление дисциплины, умерщвление плоти, дисциплинированность телесности – это богатейший опыт дисциплины, направленной именно на духовное совершенствование. Дисциплина христианской аскетики – это не тренировка воли, не улучшение физически-медицинских показателей тела и тому подобное. Христианская аскетика – это прежде всего духовный идеал, достигаемый практически, земными средствами. Примечательным по

этому поводу является высказывание о. В. Зеньковского: «Современной молодежи много помог бы идеал аскезы, – но не просто правила чистой аскезы, а именно идеал аскезы, в который верили бы, который любили бы. Идеализм является силой огромной «биологической» ценности, как на это не раз указывали врачи» [5, с. 44]. Идея аскетизма, духовный формат этой идеи не менее, а то и значительно более действенен для духовного совершенствования личности. Именно идея аскетизма подчеркивает ту вне-рациональность тео-педагогического процесса, когда «методы» в строгом смысле неприложимы к духовной жизни... Духовное воспитание не может быть всецело «технично», не может быть обеспечено никакими «методами» [3, с. 218]. Аскетическое отношение к миру и человеку, а также формируемая в результате ее воплощения дисциплинированность, фиксируют вне-рациональность христианской педагогики, ее интуитивно-метафизическое основание...

В основании тео-педагогики лежит понимание того, что основное предназначение человека есть таинство, потаенно, скрыто для любых попыток, рационально и однозначно маркировать ту или иную личность. «Не только дитя не понимает того, что в нем происходит, но не понимаем и мы, – писал о. В. Зеньковский. – Поистине, мы – слепые вожди слепых! Нередко мы чувствуем, что в душе ребенка происходит какой-то сложный и серьезный процесс, что дитя переживает какую-то внутреннюю „драму“, – но никто – ни само дитя, ни мы, – никто не может понять, что именно совершается в глубине детской души» [4, с. 38]. Поэтому проверенный веками опыт аскетической дисциплины может стать уникальным действенным средством возвращения благодати в детском сознании.

Из аскетической дисциплины намечается кратчайший путь к одному из важнейших результатов религиозной педагогики – к чувству благоговения: «Нужно особенно отметить чрезвычайную педагогическую ценность чувства благоговения: в этом чувстве духовно сливается уважение, преданность, восхищение, тихая серьезность» [3, с. 225]. Спектр перечисленных качеств поражает, если его сравнить с теми качествами, которые предлагалось воспитывать светскими педагогическими системами. Замерить неизмеряемое, т. е. та педагогическая исчисляемость, предлагаемая свет-

ской педагогикой, принципиально неприемлема для педагогики христианской. Как, в какой «валюте» можно измерить благоговение, преданность, «тихую серьезность»? Поэтому о. В. Зеньковский настаивает: «Напрасно было бы измерять сознанием, улавливающим лишь то, что происходит на поверхности души, действие святой Евхаристии на душу» [3, с. 232]. Воспитательное воздействие таких «пед-технологий», как таинства или аскетические «упражнения» на сознание ребенка не может быть вычислено, а потому столь важной для тео-педагогике становится «педагогика религиозного вдохновения» [3, с. 233].

Вдохновение, как явление интуитивного, внерационального порядка, в целом весьма значимо для религиозного мировосприятия. Постановка педагогической задачи в данном аспекте у о. В. Зеньковского звучит так: «Проблема духовного развития может быть сведена к вопросу о том, как может быть вызвано в детской душе религиозное вдохновение» [3, с. 217]. Достижение состояния религиозного вдохновения – еще одна уникальная задача тео-педагогике, которая не встречается ни в каких иных педагогических системах.

Сложность этой задачи в том, что «религиозное вдохновение ... есть чисто благодатное состояние, даруемое свыше, не подлежащее нашей регуляции...» [3, с. 217]. Но вместе с тем «в сознании этого лежит главное обличение недостаточности и неправды всякого педагогического натурализма... свидетельствует о неизбежности искать помощи свыше и не полагаться только на «естественные» методы воспитания» [3, с. 217]. Признание вне-рациональности религиозного вдохновения, с одной стороны, и постановка задачи по его достижению-взрачиванию, с другой, как раз и создают то своеобразие тео-педагогике, на котором акцентировал внимание о. В. Зеньковский. Ведь только через воспитание религиозного вдохновения становится реальной возможностью обретения «живой, свободной и всецелой погруженности души в жизнь Церкви. Участие в литургической жизни Церкви, рост внутренней жизни, чистое искание правды составляют самое сердце религиозного воспитания. Но это развитие духовной жизни невозможно вне вживания религиозного сознания в догматические истины, хранимые Церковью, вне живого приобщения к церковному разуму в его прошлом и настоящем» [3, с. 245]. Именно интуитивное вживание

в атмосферу религиозного мировосприятия, создание педагогических условий для оптимизации подобного вживания есть одна из важнейших задач тео-педагогике. В «Русской педагогике XX в.» присутствует мудрое замечание о. В. Зеньковского: «Наше вмешательство в жизнь ребенка имеет смысл лишь в том, чтобы помочь раскрытию образа Божия в ребенке и устранить все то, что замедляет это раскрытие. Кроме нашей помощи ребенку в нем действует, конечно, и Господь, ибо душа сообразна Богу, Который каждого любит как Отец и о каждом заботится. Раскрытие образа Божия, становление внутреннего человека – это есть то, помочь в чем и должно воспитание» [2, с. 50]. Раскрытие образа Божия не может быть определено рациональными методами педагогике, не может быть вписано в конспект урока или план воспитательной работы, но это задача, выполняемая только при применении сугубо теологических подходов в педагогике.

В спектр этих задач можно включить еще немало моментов, например, национально-патриотическую специфику религиозной педагогике, конфессиональную специфику, отличающую православную педагогике, в частности, от католической, отличия между ветхозаветным и новозаветным аспектами педагогике и многие другие, подробное рассмотрение которых требует более расширенного формата. Однако нельзя не отметить еще одну грань уникальности православной педагогике – ее эсхатологическую направленность.

В свете эсхатологических подходов христианская педагогике предстает в совершенно ином свете, в ином контексте абсолютного звучания таких понятий, как покаяние, смирение, преображение. Так, если остановиться только на покаянии, то в контексте эсхатологической педагогике покаяние соединяется с обучением, и в результате этого соединения человек обучается осознанию своего несовершенства, а, осознав его, стремится к преображению; весь «процесс обучения можно рассматривать как помощь кающемуся, стремящемуся к высотам святости человеку» [7, с. 34]. Только эсхатологическое звучание педагогике способно выполнить «главное в религиозном преподавании вообще – вживание в живой лик Спасителя» [2, с. 162]. И максимально на выполнение этой задачи работает «тема» смерти, педагогике христианского умирания.

Эсхатологический контекст педагогики без обращения к теме смерти не может проявиться в полной мере. Христианская педагогика принадлежит к числу весьма немногочисленных педагогических систем, в которых о смерти разговаривают с детьми. Глубина христианской педагогики и заключается в том, что она способна научить детей не только жить, но и умирать. Именно через тему смерти – тему педагогическую! – появляется возможность привести детское сознание к проблеме вечности, важнейшей проблеме тео-педагогики. В рассуждениях о. В. Зеньковского педагогическое осмысление смерти представлено достаточно развернуто: «Тема смерти настойчивее, чем что-либо другое, ставит проблему отношения к вечности, – и та вера в человека, которая сама освобождает педагога от плена пустякам и мелочам жизни, здесь не получает ли новый смысл? Тайна смерти не может не тревожить педагогическое сознание, требуя такого подхода к детской душе, который не отменял бы смысла в нашей ежедневной работе с детьми. Перед лицом смерти мысль о детях, забота о них, проникновение в глубину того, что в них совершается, ставит вопрос о нахождении внутренней связи между воспитанием к жизни и «воспитанием» к тому, что есть за смертью. Эта тема неустранима для педагогического сознания. Нельзя детей вести так, чтобы тема смерти была чистой бессмыслицей; в нашей педагогической обращенности к ребенку есть глубокое сознание ответственности, есть напряженность заботы о всех ступенях и формах его бытия – и это одно не позволяет выключить тему смерти из педагогических размышлений» [3, с. 52].

Неотрывность темы смерти от педагогических воздействий, органичная связь танатологических и педагогических моментов, при всей парадоксальности этого сопоставления, как раз и составляют специфичность христианского воспитания. При этом при обращении к теме смерти переосмысливается и получает большую «крепость» вся христианская педагогика. Да, «смерть принижает человека, как торжество природы над ним, – и философия смерти как будто оправдывает натуралистический подход к человеку. Но бессмыслица смерти, возможность того, что весь план воспитания детей в один момент теряет всякое значение, не может зачеркнуть все же того более глубокого подхода к человеческой душе, о котором мы говорили выше. Мы сказали, что смерть «принижает» че-

ловека; да, – но и углубляет тайну его бытия, бросая новый свет на смысл жизни, на иерархию задач, разрешаемых жизнью» [З, с. 51]. Тем самым педагогика обучения смерти, развиваемая христианской педагогикой, обретает эсхатологическое основание, что дает ей в свою очередь бóльшую глубину и бóльшую педагогическую результативность.

Список литературы

1. *Аверинцев, С.С.* Брак и семья. Несвоевременный опыт христианского взгляда на вещи // Мгарский колокол. – № 55. – 2007. – С. 45–57.

2. *Зеньковский, В.В.* Педагогика / В.В. Зеньковский. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 223 с.

3. *Зеньковский, В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – Клин : Фонд «Христианская жизнь», 2002. – 271 с.

4. *Зеньковский, В.В.* Психология детства / В.В. Зеньковский. – Москва : Школа-Пресс, 1996. – 334 с.

5. *Зеньковский В., прот.* Русские мыслители и Европа : критика европ. культуры у рус. мыслителей / протоиерей В. Зеньковский. – 2-е изд. – Париж : YMCA-PRESS, 1955. – 271 с.

6. *Маслоу, А.Г.* Мотивация и личность / Абрахам Гарольд Маслоу. – Санкт-Петербург : Евразия, 1999. – 478 с.

7. *Шестун, Е., свящ.* Православная педагогика : ист. псих.-пед. очерки / священник Евгений Шестун. – Самара : ЗАО «Самар. информ. концерн», 1998. – 575 с.

UDC 27-75

**TRADITIONS OF ORTHODOX PEDAGOGY
IN THE THEOLOGICAL LEGACY
OF ARCHPRIEST VASILY ZENKOVSKY**

Sergey A. Kolesnikov
Doctor of Philology,
Vice-rector for Research
Belgorod Orthodox Theological Seminary,
(missionary orientated), Professor
Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines
Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
E-mail: skolesnikov2015@yandex/ru

For citation: *Kolesnikov, S.A.* Traditions of Orthodox pedagogy in the theological legacy of Archpriest Vasily Zenkovsky // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 119–128. (in Russian)

Abstract

The article is devoted to the formation of the Orthodox system of pedagogical views in the theological legacy of Archpriest Vasily Zenkovsky. The basis of Archpriest Vasily Zenkovsky's pedagogical views is the understanding of the importance of the integrity of the child's personality, which can only be formed within the framework of the system of Christian values. The intuitive integration into the atmosphere of religious worldview, the creation of pedagogical conditions for optimizing such integration is one of the most important tasks of Orthodox pedagogy. In the light of eschatological approaches, Christian pedagogy appears in a completely different light, in a different context of the absolute meaning of such concepts as repentance, humility, and transformation.

Keywords: Orthodox pedagogy; pedagogical works of Archpriest Vasily Zenkovsky; Christian value system.

References

1. *Averintsev, S.S.* Brak i sem'ya. Nevoevremennyi opyt khristianskogo vzglyada na veshchi [Marriage and family. Untimely

experience of the Christian view of things]. // *Mgarsky kolokol*. No. 55, 2007, pp. 45–57. (in Russian)

2. *Zenkovsky, V.V.* Pedagogika [Pedagogy / V.V. Zenkovsky. – Klin: Foundation «Christian Life», 2002. – 223 p. (in Russian)

3. *Zenkovsky, V.V.* Problemy vospitaniya v svete khristianskoi antropologii [Problems of education in the light of Christian anthropology]. / V.V. Zenkovsky. – Klin: Foundation «Christian Life», 2002. – 271 p. (in Russian)

4. *Zenkovsky, V.V.* Psikhologiya detstva [Psychology of childhood]. / V.V. Zenkovsky. – Moscow: School-Press, 1996. 334 p. (in Russian)

5. *Zenkovsky, V., archpriest.* Ruskie mysliteli i Evropa : kritika evrop. Kul'tury u rus. myslitelei [Russian thinkers and Europe: criticism of European culture by Russian thinkers]. / archpriest V. Zenkovsky. 2nd ed. – Paris: YMCA-PRESS, 1955. 271 p. (in Russian)

6. *Maslow, A.H.* Motivatsiya i lichnoxt' [Motivation and personality]. / Abraham Harold Maslow. – St. Petersburg: Eurasia, 1999. 478 p. (in Russian)

7. *Shestun, E., Priest.* Pravoslavnaya pedagogika : istoricheskie psikhologo-pedagogicheskie ocherki [Orthodox pedagogy: historical psychological and pedagogical essays]. / priest Evgeny Shestun. – Samara: CJSC Samar. inform. concern», 1998. – 575 p. (in Russian)